

3240 бр

ГЕРОИ ЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ф. ГАСТЕЛЛО, А. ГАСТЕЛЛО
и А. ГАСТЕЛЛО

Герой Советского Союза
КАПИТАН

Н. ГАСТЕЛЛО

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1941

59

25 коп.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00665749

5

1933

1933

1933

1

1933

2

3

4

1933

1933

1933

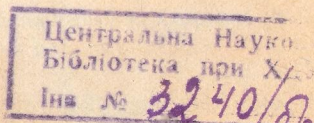
1933

1933

ГЕРОИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

**Ф. ГАСТЕЛЛО, А. ГАСТЕЛЛО
и А. ГАСТЕЛЛО**

Герой Советского Союза
КАПИТАН
Н. Г А С Т Е Л Л О

Издательство ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»
1941

**УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР О ПРИСВОЕНИИ ЗВАНИЯ
ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
КАПИТАНУ ГАСТЕЛЛО Н. Ф.**

За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с германским фашизмом и проявленные при этом отвагу и героизм присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали „Золотая Звезда“ капитану ГАСТЕЛЛО Николаю Францевичу.

*Председатель Президиума Верховного
Совета СССР М. КАЛИНИН*

*Секретарь Президиума Верховного
Совета СССР А. ГОРКИН*

Москва, Кремль, 26 июля 1941 года

сп: 516

Герой Советского Союза
КАПИТАН
НИКОЛАЙ ФРАНЦЕВИЧ ГАСТЕЛЛО

Настоящей книгой издательство
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»
начинает выпуск серии «Герои
Отечественной войны».

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Что сегодня в сводке?» — с этой мыслью начинают свой день трудящиеся нашей Родины, бойцы, командиры, политработники Красной армии и Военно-морского флота.

Вся страна, от мала до велика, живет интересами фронта. «Всё для фронта, всё для победы» — этот лозунг стал законом жизни советского человека, руководством к действию, к борьбе до полного уничтожения ненавистного, смертельного врага — фашизма.

Каждый день с фронта великой отечественной войны по всему миру разносится слава о новых и новых героях советского народа — летчиках, танкистах, артиллеристах, пехотинцах, кавалеристах, краснофлотцах — о простых советских людях, храбростью своей прославляющих силу и честь советского оружия, доблестно защищающих родную землю от врага, примерами своими воодушевляющих весь народ, его молодежь на новые легендарные подвиги за честь, за свободу, за независимость родимой отчизны.

Что движет поступками этих людей?

Беспредельная любовь к своему народу, беззаветная преданность великой партии Ленина — Сталина.

Что является главной чертой характера этих людей?

Презрение к смерти во имя победы. Что смерть, если в сердце советского воина горит пламенная любовь к Родине! Что смерть, если впереди ждет победа во имя счастья всего человечества!

Советский человек знает: лучше с честью умереть на поле боя, чем попасть в рабство к фашистским людоедам. И седая мать, благословляя сына на поле брани, говорит ему: «Будь храбр, не отступай, не обесчести»

позором нашу советскую семью. Иди смело и мужественно, гляди смерти прямо в глаза и не отдавай свою жизнь дешево. Помни — лучше не иметь сына, чем быть матерью труса».

Советские сыны свято чтут этот наказ. Огнем и мечом истребляют они фашистскую чуму, с каждым днем нанося ей все более мощные удары. Настанет час — и гитлеризм будет навеки стерт с лица земли, и только кровь замученных и истерзанных фашизмом людей будет напоминать грядущим поколениям о черных страницах истории человечества.

Эту книгу мы посвящаем одному из многих и многих тысяч героев великой отечественной войны советского народа против немецкого фашизма — Герою Советского Союза, воспитаннику большевистской партии и комсомола — Николаю Францевичу Гастелло.

Героический подвиг совершил командир эскадрильи капитан Гастелло. Снаряд вражеской зенитки попал в бензиновый бак его самолета. Бесстрашный командир направил охваченный пламенем самолет на скопление автомашин и бензиновых цистерн противника. Десятки германских машин и цистерн взорвались вместе с самолетом героя.

Таков подвиг советского человека, имя которого облетело весь мир.

Комсомольцы, советская молодежь! Будьте бесстрашными и мужественными, не отступайте перед лицом опасности! Берите пример с славных героев отечественной войны, не жалеющих ни крови, ни жизни для победы над врагом во имя своей Родины, во имя своего народа! Всегда и везде несите гордо и мужественно свое высокое звание члена Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи! Всегда и везде будьте достойны своего высокого звания гражданина Союза Советских Социалистических Республик!

И пусть девизом нашей жизни будет только одно — вперед, на врага! Вперед и только вперед — за Родину, за Сталина!

СЫН ВЫПОЛНИЛ НАШ НАКАЗ

Фамилию нашу правильнее писать Гастылло. Это потом, когда я в 1900 году пришел на заработки в Москву, меня по-московски стали называть Гастелло, — московский выговор нашего белорусского мягче.

Происхождение наше из-под города Новогрудок, деревенька Плужины.

В старое время какие белорусские деревни были: бедность, солома, хата по самую крышу в землю вросла. Издали и не разберешь — то ли хата, то ли кочка болотная. Земли удобной мало, — всё леса, леса. А посреди леса Свистязь сияет, озеро большой глубины.

В девятьсот четырнадцатом году и во время гражданской войны в наших местах тоже фронт проходил.

Я все думал — нашу деревню сровняли с землей. Нет, оказывается, стоит. Летом перед войной Николаю случалось над теми местами летать. Прислал письмо:

«Ну, — пишет, — папа, вчера Плужины с воздуха разглядел. Только очень высоко летел: вот какими они показались мне».

И внизу кружочек обвел. Всегда любил пошутить. Но, заметно, шутит, а самому приятно, что увидел, наконец, отчий край. Он этих Плужин раньше и не знал — и родился, и вырос в Москве.

А Ворончу не увидал, Ворончу в революцию, наверно, сожгли. Имение было. Там на панской конюшне моего отца и мать секли в крепостное время. Там и я смолоду батрачил.

Если б не панские мучительства, мой отец больше бы жил. У нас в роду все долго живут и болеть не болеют — лесовики, лесная порода. Мне пошел шестьдесят восьмой год, а я ни одного прогула не сделал и ни разу бюллетеня не взял.

Умер мой отец, и, как в сказке говорится, осталось после отца три сына: Винцесь, старший, Михась, средний, и я, Франц, младший.

Разделились: по десятинке на брата — с голоду не помрешь и сыт никогда не будешь.

Пришлось младшему — котомку за плечи и в Москву, судьбу искать.

Я свою судьбу подле вагранки нашел. Больше двадцати лет проработал на Казанской железной дороге в литейных мастерских. Сначала страшно было, — казалось, ад. Потом приловчился, понравилось.

Искры брызжут. Чугун в ковши пошел. Белой струей хлещет. По-моему, ничего красивее нет. И сыны мои, Николай и Виктор, с детства приучены были не бояться огня.

Николай, как подросток, тоже в литейную определился, к огню поближе. Сначала работал стерженщиком, потом формовать стал. Я из вагранки сливаю, а он формует — металл от отца к сыну плывет.

Пошабашили, сидим. Он просит:

— Теперь расскажите, папа, как вы с Лениным одной артелью работали.

Очень любил слушать про это.

А я, верно, с Владимиром Ильичем работал вместе на субботнике. Первые субботники ведь с нашей Казанки пошли.

Как-то стали мы убирать в цеху хлам, видим, приехал Ленин. Взялся нам подсоблять. Улыбается. «Дружней, — говорит, — дружней. Для себя стараемся теперь, сами хозяева!»

Это у нас в семье была гордость. Как же, отец, мол, с Владимиром Ильичем артелью работал! Николай хвалиться не любил, а этим перед товарищами хвалился:

— Мой батя, знаешь, какой! С самим Лениным в одном цеху...

А в двадцать первом дали мне Героя труда. Чествовали хорошо, подарили костюм черный, тройку. Он и сейчас цел, костюм, хоть двадцать лет прошло. Я его берегу — память. Надеваю редко, в год раза два: на Октябрьскую революцию, на Первое мая. Надевал еще, когда Николай в гости приезжал.

Он хороший был сын, заботливый. Приедет, сейчас же на Ленинские горы везет меня гулять.

Сидим там на траве. В небе кружат самолеты. Николай рассказывает:

— Это истребитель, папа. А это бомбардировщик. Я летаю на таком.

— А страшно тебе, — спрашиваю, — там наверху?

Засмеялся.

— Сначала было страшно, потом приловчился. Когда работу любишь, страха нет. По себе знаете.

Его партия летчиком сделала, — он по партийной мобилизации в школу шел.

Знали: и в воздухе будет мой Николай примерный коммунист.

— Степенный у тебя сын, Франц Павлович, — бывало скажет секретарь парткома, — хоть и молодой, а уважение ото всех...

Он у меня до партии еще в комсомоле гремел. А в двадцать лет уже коммунистом стал. Мне, отцу, приятно — вышел сын в люди.

Меня в то время на пенсию перевели, но я от работы отстать не мог, перешел в истопники.

Меня к себе Николай жить звал.

«Приезжайте, папа, — писал. — Тут хорошо, вольный воздух. Заведете огород, будете курами заниматься. Пора вам на отдых».

«Я еще при деле нахожусь, — отвечаю я. — Я печи в цеху топлю. Спасибо за твое согласие. Когда уж не смогу и печи топить, тогда, пожалуйста, бери к себе».

Я к нему этим летом собирался в отпуск. Сколько лет Николай в авиации служил, ни разу у него не был в части. Он в день своего рождения, в начале июня, прислал нам фотографию и напоминание: пусть папа приезжает, ждем.

А двадцать второго объявилась война.

И вдруг сказали по радио, что наш Николай сгорел. Мы дома были, сразу услышали — тяжело. Поплакали и на работу пошли — мать на «Красный богатырь», сестра на Ленинскую железную дорогу, а мы с младшим сыном на свой завод.

Пришел я, никому ничего не сказал, затопил сушильные печи, сел и смотрю в огонь.

«Эх, Николай, — думаю, — сыночка мой, сгорел, сгорел в огне!»

Вспомнил, как мы с матерью просили его не идти в плен.

— Не сдавайся, Коленька, — наказывала мать. — Остерегайся, не садись на вражью землю. А если подобьют, семь пуль на них истрать, а восьмую себе оставь.

Улыбнулся Николай:

— Скажете, мама, такое. — И нас обоих, как малых детей, к себе пригорнул. — Зачем я буду садиться на их территории, патроны тратить! Я другой выход найду...

«Что ж, Николай, — думаю, — не зря погиб. Скольких фашистов сжег. Сколько горячего фашистского зараза извел. Сколько танков и самолетов немецких затормозил... Дорогая твоя смерть!..»

Ходят, слышу, за спиной товарищи по цеху, переговариваются, а я глаз от огня отвести не могу. Вижу, как огненный столб летит, как нефть в цистернах запылала, как расплавленная фашистская сталь ручьем потекла. Вижу, Николай мой из последних сил рукоять сдвигал и не зажмурил глаз в дыму. С открытыми глазами встретил смерть.

Так их, Николай, так! Огнем их, проклятых! Пусть пеплом развеются по земле!..

Знаю я: сынов наших не забудет народ. И я, старик, говорю: любой советский человек на месте моего сына поступил бы так же, как он.

СЛОВО МАТЕРИ

Мне он больше маленьким представляется: глазенки такие темные, брови низко нависшие, очень густые, как у отца. И характером в него: спокойный, настойчивый.

Помню, — ему еще восьми лет не было, — прибежал домой, вся рука в крови.

Я к нему:

— Что с тобой, Коленька?

— Не плачь, мама, ничего. Идем в больницу скорей.

— Да кто тебя так?

— Ничего, идем.

А в больнице его сразу на операционный стол. Три шва наложили на рану. Я стою рядом, плачу, дрожу, а он не застонал, только сморщился.

С детства сын был очень самостоятельным. Жизнь его так воспитала.

В 1918 году детей из Москвы эвакуировали в Уфу. Колю тоже увезли. Вдруг узнаем — белые обстреляли пароход с московскими детьми и пустили ко дну. Тяжело было в семьях, слез пролили реки.

Потом приходит письмо: сокольнические дети живы. Затонул другой пароход, а наших детей белые разогнали. Учителя в уфимской тюрьме сидят, дети по крестьянам разбрелись, работают за кусок хлеба.

«Ничего, мама, — писал Коля. — Я теперь всю крестьянскую работу узнал: и косить умею, и жать».

Сам о себе заботился, а ведь ему было всего одиннадцать лет.

Вернулся в Москву, стал мне помогать по дому. Скажет бывало своему младшему брату: «Ну-ка, Минька, лезь на плечо», схватит солдатский котелок и айда за своим детским пайком.

Он был на все руки: рисовать, строгать, обувь чинить. Уже когда капитаном авиации стал, приедет на побывку к нам, скажет вдруг:

— А у вас, мама, замечаю, левая туфля подгуляла. Дайте-ка я быстренько подметку прибью.

Засядет в уголок, вытащит из-за сундука сапожницкую железную ногу и примется за работу.

Со второго класса он стал больше всего самолетами увлекаться. Делал их хитро, с пружинкой, но доволен не был. Они у него по полу сами собой бегали, а летать не могли. Только подпрыгнут и опять на пол. Как стрекозы стрекотали. На ночь Коля всю свою авиацию к потолку подвешивал.

С пятнадцати лет стал по полю мяч гонять. Приходят как-то ко мне его друзья, мальчики со 2-й Сокольнической.

— Что надо, шайка-лейка?

— Мы не шайка-лейка, мы футбольная команда. Сделай нам трусы, тетя Настя, а?

Пришлось шить: очень вежливо просили.

Отец ругал Колю за футбол: обувь быстро

снашивал, а тогда достать было трудно. И мне попадало заодно:

— Знаю тебя, потатчица!

А я, признаюсь, сама любительница футбола. Всегда ходила смотреть, когда мой Коля играл. Публика кричит: «Браво, Гастелло! Гляди, как мяч ведет». А мы, весь наш двор, громче других: «Колечка, хорошо!»

Тогда только перестал в футбол играть, когда учился в летной школе, — мало было времени. Но кончил школу и снова начал футболом увлекаться.

Сам о себе, о своих полетах, об учебе, о боевых действиях Коля скупое писал. Нас всегда его жена, Аня, оповещала, чтобы порадовались за сына:

«Вчера Коля сдал мертвую петлю».

«Прыгнул с парашютом на «отлично».

«Поздравьте Колю, он теперь капитан».

О фронтах Аня писала совсем коротко. И всегда одно:

«Коля в служебной командировке».

А какая командировка — это уже сами догадывались из газет.

Где фронт, там, значит, и Коля на своем бомбардировщике.

Я, конечно, просила его беречь себя, не рисковать зря.

Он улыбнется широко так, светло и скажет:

— Что вы, мама, милая! Ведь вы знаете своего Николая. Он мужик спокойный, уравновешенный, своему самолету подстать.

Когда он на финском фронте был, мне снилось часто, что он падает. Темно так, темно в ночи, и вот горящий самолет летит. По всему

небу огненный след. Проснусь вся исплаканная. Мой старик бурчит:

— Что ты, Настя, что ты? Коля приснился опять?

Он и в эту войну снился мне. Вижу — вдруг открылась дверь, входит он, молча взял племянника, ложится с ним на диван.

Я подошла, спрашиваю:

— Коленька, ответь мне, сынок: жив ты или убит?

Он молчит. Я его по голове глажу, а у него лоб горячий-горячий.

Что ж сон? Думаешь об одном день и ночь — вот и чудится во сне.

Все о Коле мысли были, а утром, когда сводку передавали, я недослышала. Задремала, наверно, мне надо было во вторую смену на работу выходить. Обнял меня старик за плечо. Смотрю, на нем лица нет.

— Настя, слыхала? Настя, Коля-то наш!..

...В тот день, попозже, ко мне с «Красного богатыря» комсомольцы и комсомолки пришли.

— Извините, тетя Настя, что пришли, — говорят. — Мы навестить. Как вы тут? Может, нуждается чем?..

Сидят за столом, притихли. Лица молодые, хорошие у всех. Тут не сдержалась я. Весь день крепилась, а тут не сдержалась.

— Дети, — говорю — и заплакала, — дети мои!..

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Двенадцать лет прожила я с моим мужем Николаем Гастелло. За все эти годы только раз расставались надолго. Было это в 1932 году, когда партия послала его учиться в летную школу. Как изменился Коля за несколько месяцев, как возмужал! Военная гимнастерка легко и плотно обтягивала сильные плечи. Лицо стало еще спокойнее, фигура коренастее. Не верилось, что это тот Коля Гастелло, с которым я познакомилась на спортивной площадке три года назад.

Вся жизнь летчика-бомбардировщика Гастелло прошла у меня на глазах, но если подсчитать, не так уж много прожили мы вместе. Часто приходилось выходить на крыльцо и, закинув голову, долго смотреть в небо. Кто еще смотрит так в небо, как мы, жены летчиков?

Надолго улетал Николай Гастелло. Тень его самолета скользила и по дальневосточным сопкам, и по склонам северных гранитных скал, и по южной бессарабской земле. Эти отлучки и называли мы «командировками» в письмах к родителям.

Вспоминаю сейчас нашу жизнь, и кажется мне, что она прошла на аэродроме под взмах флажка стартера, у посадочной буквы «Т». Неожиданные проводы. Неожиданные встречи.

Долгие дни ожидания, когда все — кажется: летит!

Волнующие минуты, когда самолеты уже заходят на посадку, а ты не знаешь, есть ли среди них самолет мужа. И нет сил бежать к аэродрому, стоишь и ждешь у крыльца.

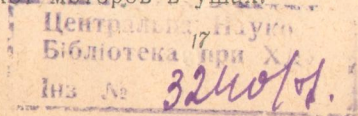
Свою жизнь в авиации Гастелло начал с постройки нового аэродрома, на котором должен был учиться летать. Снова пригодились его умелые и ловкие руки. Курсанты авиационной школы корчевали пни, выравнивали площадку, а потом высаживали вокруг аэродрома парк. Должно быть, разросся он уже, — сколько лет прошло.

От земли, которую когда-то Ворошилов со своими шахтерами защищал от немцев, оторвался и полетел Николай Гастелло. Он не знал, что такое усталость, он мог работать с утра до вечера без передышки. И вот он приезжает в Москву, и на петлицах у него четыре треугольничка. Он — пилот.

Началась наша военная жизнь. Николай Гастелло создан был для вожделения больших и мощных кораблей. Весь склад его души и тела, его коренастая сильная фигура, его невозмутимо спокойный характер словно приспособлены были для «ТБ» — так зовется у нас в авиации тяжелый бомбардировщик.

Товарищи его все рвались в истребительную. Какой молодой пилот не мечтает об «ястребке»? А Коля не мечтал. Твердо знал — его место за штурвалом ширококрылой многомоторной машины.

Николай летал, я работала в штабе, — весь день ракет моторов в ушах.

Ночью — частые учебные тревоги. Кажется, будь я на месте Гастелло, сломя голову помчалась бы к дверям. А он на часы посмотрит, оденется, и все это спокойно, будто не торопясь.

Потом от других летчиков узнаю! Коля у своего самолета всегда первый.

Удивительно развито было у него чувство времени. Это, должно быть, осталось с той поры, когда он работал хронометражистом на заводе. Никогда Николай не опаздывал. А когда видел, что люди суетятся, говорил:

— Ну, что за суматоха у вас? Медленнее спешите!

Бывало вернется с аэродрома вечером и сразу за письменный стол. Раскроет книги, тетрадки, начнет вычерчивать схемы. Если на огонек заглянет знакомый, из-за стола не встанет, двумя словами перемолвится и снова уткнется в книги. Мне как хозяйке неловко: гость повернется — и к дверям. Ну и скажешь:

— Коля, это негостеприимно.

Он в ответ:

— У меня для гостеприимства выходной отведен.

Каждый выходной Гастелло отправлялся в город за книжками. Его уже знали в книжном магазине, все новинки по авиации откладывали.

Его рабочее место было за штурвалом, но и за своим письменным столом он чувствовал себя будто в самолете, за работой. Здесь он учился летать. На столе стояла чернильница, выточенная Николаем из эбонита после перелета Чкалова в Америку. Вокруг земного ша-

ра летел чкаловский самолет, а внизу стояли самолетики в ожидании. Этим он хотел показать, что вслед за Чкаловым готовы к подвигу и другие советские летчики. Чкалов был его любимым героем.

На стене перед столом висела начерченная им схема летного района. Все там было помечено: и реки, и холмы, и дороги.

Иногда он просил меня:

— Полетай, Аня, со мной. — Покажет пальцем, а сам отвернется, как честный школьник от шпаргалки. — Спрашивай, какие по пути есть ориентиры.

Когда спать ложился, всегда напевал «Любимый город может спать спокойно». Иногда заснешь и сквозь сон слышишь голос: «...может спать спокойно». Это значит: Коля закончил трудовой день.

Но ему самому не часто удавалось спать спокойно. Когда его поднимала ночная тревога, нельзя было угадать, вернется ли он домой утром или через несколько месяцев.

Однажды весенней ночью 1939 года Николай Гастелло подняли с постели, а утром мы увидели опустевший аэродром. Не каждый может понять, как грустно выглядит покинутое летное поле. Придет изредка телеграмма. Прочтешь: «Жив, здоров. Николай». И снова тянутся дни.

Только через четыре месяца он вернулся. О многом хотелось спросить. Но посмотрела в его спокойные веселые глаза и поняла — спрашивать бесполезно, все равно не скажет, как воевал.

Только мельком со слов товарищей узнала, как бились они в далекой Монголии, как вели

тяжелые машины бреющим полетом между сопками.

Глубокой осенью под утро снова сирена подняла Николая. Поцеловал, сказал:

— Еду в правительственную командировку. Родителям ничего не пиши.

— Куда же ты?

— Следи за газетами.

По военным сводкам я следила за работой Николая. Когда в газетах сообщалось, как взлетают в воздух белофинские доты, знала: над ними пролетел Гастелло и его товарищи. Когда читала о том, как разбегаются вражеские лыжники, заведя над головой краснозвездные машины, знала: здесь пролетел со своими друзьями Николай Гастелло.

Мы часто смотрели в небо, прислушивались: не летят ли? И вот апрельским утром видим: летят!

Летят с севера боевые эскадрильи.

Выбежали из квартир и смотрим. Если наши, то начнут сейчас расходиться для посадки. В самом деле, корабли изменили походный строй, уже гудят над головами.

Другие женщины побежали на аэродром встречать. Я не пошла. Боялась — не вернусь, не найду его машину среди других.

Но он вернулся. Коренастый, спокойный, лицо красное, словно не морозом, а огнем обожжено.

Снова ничего не рассказал. Улыбается:

— О чем же говорить? Ты ведь газеты читала?..

В апреле вернулись с севера, а в июне улетели на юг.

Снова пуст аэродром.

На этот раз, когда вернулся Николай, я сказала:

— Можешь не рассказывать, знаю, что делали.

А он головой кивает и поддакивает:

— Вот и хорошо, что знаешь.

Лето 1941 года застало нас под Смоленском. Николай получил эскадрилью легких бомбардировщиков. Это просто сказать: эскадрилья легких бомбардировщиков. Все эти годы он летал на тяжелых самолетах, выработалась привычка к этим машинам. А тут надо заново учиться. Его командир полка, как у нас говорят, сам «вывозил».

Вернется Николай с аэродрома усталый, озабоченный, а я не удержусь и начну расспрашивать. Меня все шасси волновало. На прежней машине шасси не убиралось. Пока не привыкнешь, можно забыть выпустить при посадке колеса.

— Ну, как? Вылетел? (Вылетел — это значит получил право на самостоятельное вождение.)

— Не совсем.

А на следующий вечер приходят товарищи, поздравляют Колю.

— Как же ты мне сказал, что не вылетел?

Засмеялся:

— Вчера — нет, а сегодня — да.

И стал Гастелло летать на скоростном легком бомбардировщике над западными окраинами Советского Союза.

По вечерам долго сидел над картой, изучал свой район. Чаще обычного говорил:

— Полетай со мной.

Летними вечерами изучали новый район. И радостно было, что помогаю летчику Гастелло изучать новые места, над которыми, может быть, ему придется сражаться.

Так летала я рядом с этим человеком, всегда рядом, где бы он ни был.

Далеко за полночь, отложив карты и схемы, он любил повертеть рычажок радиоприемника. Все волны испробует, а потом скажет:

— А сейчас давай Болгарию. Послушаем, о чем сплетничает.

Радио трещало в нашей комнате, насыщая ее грозowymi разрядами. Вопили немецкие дикторы, ворковали французы, и упрямо, грузно пробивались сквозь эту какофонию англичане.

Нахмурившись, вслушивался Николай в яростные звуки радиовойны. Потом рывком выключит радио, головой покачает, скажет:

— И куда немцы суются? Ведь костей не соберут.

И возьмется за книжку.

Он очень любил Джека Лондона. Из всех рассказов больше всего нравился ему рассказ «Воля к жизни».

Вечером двадцать первого июня мы смотрели картину «Фронтовые подруги». Возвращались домой молча. Видимо, у него в памяти возникли дни суровой войны, будто увидел себя на экране.

Пришли домой.

— Ты меня завтра часов до девяти не буди. За неделю отоспаться хочу.

Эти слова Николая до сих пор у меня в ушах звенят.

...В пять утра его подняла тревога.

В полдень я услышала речь товарища Молотова.

Потом инженер эскадрильи приходит: понадобились Николаю часы. Часов у него было двое. Ручные в полет никогда не брал: раструб авиационной перчатки мешал смотреть.

— Какие часы просил капитан?

— Карманные.

Значит, в полет.

Только в одиннадцать ночи возвратился домой.

— Ну, как там, Коля?

— В порядке, — отвечает. — Ты, Аничка, не тревожься, за мной ночью ординарец придет.

И ночью стук в дверь.

Может быть, это мужчинам непонятно, а женщины меня поймут. Я подбежала к окну, распахнула и долго стояла, провожала мужа взглядом, пока он не скрылся за углом...

Нам комиссар сказал, что летчикам надо создать все условия. Мы и старались, как могли, — кормили их получше, не хныкали.

На третий день утром мы сидели с сыном Витей за завтраком. Вдруг Витя говорит:

— Мама, смотри, какой странный самолет!

Это был фашистский разведчик. Он обстрелял городок, но мы укрылись в щели, и все окончилось благополучно.

От городка фашистский летчик повернул к аэродрому. Мы испугались, потому что знали, что мужья в воздух не поднялись.

От аэродрома было слышно, как вражеский самолет стреляет из пулемета. Потом заговорил другой пулемет — наш. Прошло минут пятнадцать. К нашему крыльцу пришли женщины, кивают мне, улыбаются.

— Поздравляем, твой муж немца подбил.

Вечером мы, женщины, обступили Николая — Расскажи да Расскажи.

Отмалчивается, улыбается.

Когда гости ушли, я пристала к нему:

— Ну, ты должен мне объяснить.

Он подумал, положил руку на стол, сжал кулак.

— Вот так и в душе все собралось. Поняла?

Двадцать шестого июня он не вернулся из полета. Комиссар успокаивал меня:

— Вернется, он на нашей территории сел.

В тот же день мы выехали.

До самой Москвы я ничего не знала о муже. На станции Мичуринск, когда должны были передавать сводку Информбюро, мои женщины заволновались, зашумелись.

— Аничка, пойдй насчет билетов узнай.

Я вернулась, вижу — все плачут.

Чувствую, что-то неладно. Летчик, который нас сопровождал, стал прощаться. Подошел к моему Вите, обнял и руку ему поцеловал.

Приехала в Москву. Мне Настасья Семеновна открыла. Я взглянула на нее и... поняла.

— Мама?!

— Да, Аничка, да!..

Обнялись и заплакали обе.

Ведь он третьего июля погиб. Значит, тогда то, после двадцать шестого, вернулся, как

комиссар говорил. Вернулся домой, а квартира пуста — нет никого. Может быть, перед новым полетом оставил записку на столе. Все бы, кажется, отдала, чтобы эту записку, его последний привет, увидеть...

«Полетай со мной», говорил мне когда-то Николай, сидя в нашей комнате у зеленого светящегося абажура.

Да, в каждом полете мысленно я сопровождала его. В этом последнем полете я была с ним.

Всегда перед глазами останется его лицо с сжатым сурово ртом и глазами, устремленными вниз, в хаос сгрудившихся танков. И жар от горящего бака будет обжигать мой лоб. И ветер будет свистеть в ушах, ветер стремительного падения...

На костре из вражеских танков и цистерн закончил свой последний полет Николай Гастелло.

Но я, Анна Гастелло, попрежнему в боевом полете. Нет у меня других стремлений сейчас, кроме одного: помочь Родине в борьбе с фашизмом.

Мне трудно было найти утешение в горе. Я нашла его. Нашла его у изголовья раненых летчиков, в госпитале. Я пошла в госпиталь добровольно и провожу там все дни, забываясь в работе.

Как-то утром, раскрыв свежий номер «Правды», я увидела там знакомые, родные имена. Я читала корреспонденцию «Ночные бомбардировщики», и каждая строка наполняла меня радостью. Товарищи Коли по тяжелой бомбардировочной эскадрильи живы, здоровы и продолжают громить врага.

Перед моими глазами возникали знакомые лица. Вот полковник Филиппов — командир, под начальством которого служил Коля, вот его близкие друзья — штурман Вася Чистяков и летчик Костя Иванов, вместе с которыми он сражался в Монголии и Финляндии.

Все они громят аэродромы, с которых враг совершает налеты на Москву.

Читала я об их подвигах, и казалось мне, что вот рядом с этими родными именами мелькает имя Гастелло, их соратника и друга...

Вечером, когда я прихожу к старикам, в маленькую комнату, где на стенах висят фотографии Николая, ко мне упорно возвращается мечта вернуться в полк, к людям, которые сражались рядом с Гастелло, которые сражаются сейчас и, как он, готовы отдать свою жизнь, чтобы вечно жил советский народ.

КАПИТАН ГАСТЕЛЛО

Может,
там,
где мальчиком Гастелло
Слушал птиц,
с крапивой воевал,
Русская
рябина шелестела
Или
польский тополь
бушевал,
Только
в час,
когда моторы стали,
Он пошел в
последнее пике
За свою страну,
где слово Сталин
На любом
понятно
языке.
Нужно
так
любить свою отчизну,
Вовсе
забывая о себе,

Чтобы и в огне,
 прощаясь с жизнью,
О ее
 заботиться
 судьбе.
И когда
 граната просвистела
И огнем оделся самолет,
Нет,
 не думал
 капитан Гастелло,
Что
 через минуту
 он умрет.
Об одном лишь
 думал он,
 быть может,
Руку
 не снимая
 с рычага,
Что, покамест
 этот срок не прожит,
Он
 еще не жертва
 для врага.
И когда
 из-под небес
 в низину,
В ужас
 приводя
 фашистский сброд,
На цистерны,
 полные бензина,

Ринулся
 горящий
 самолет,
Сил
 еще хватило
 у Гастелло
Так
 направить
 яростный удар,
Чтобы
 вся колонна
 вверх взлетела
И до
 неба вскинулся пожар,
Чтоб
 пред каждым гадом
 недобитым,
Думающим
 вырваться,
 уйти,
Смерч огня
 с гудением сердитым
Встал
 бесславной смертью
 на пути.
Это —
 мужество твое,
 Гастелло,
Это
 пламя
 сердца твоего
Водрузить
 над гибелью
 сумело

Разума
и правды
торжество.
Не впервой нам
силу мерять
силой,
Будет
впрах
развеян вражий стан,
Над твоею
огненной могилой
Мы
клянемся в этом,
капитан!

ПОДВИГ КАПИТАНА ГАСТЕЛЛО

Бомбежкой подавлен зазнавшийся враг,
Все сделал, как надо, Гастелло.
Осколки пробили бензиновый бак,
Снарядом машину задело.

Герой под огнем самолет развернул,
Из бака все ширилось пламя,
Он взглядом орлиным на землю взглянул,
Увидел он шлях меж полями.

По нем продвигались колонны машин,
Наполнены нефтью цистерны.
Минута раздумья — и Родины сын
На подвиг идет беспримерный.

Он падает камнем в колонну врагов,
Страшней он дымящейся мины.
Взлетают цистерны под грохот и рев,
Взлетают на воздух машины.

Такими делами бессмертен народ.
Я славлю твой подвиг, Гастелло.
Погиб ты, но дело твое не умрет —
Бессмертно народное дело!

ВОИСТИНУ ВЕЛИК СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Герою-летчику капитану Гастелло

Нет меры храбрости, героизму нет предела,
Воистину велик советский человек!
Твой славный подвиг, капитан Гастелло,
В преданиях останется навек.

Родной орел! Твой дух героический с нами.
Величью твоему поклонится народ
И понесет в сердцах, как огненное знамя,
Пылающий и грозный самолет.

Редактор А. В. Ближенков. Подписано к печати 16/VIII 1941 г. 1 п.л.
1,14 уч.-издат. л. (48 200 тип. зн. в п. л.) Л142968. Заказ тип. 1127.
Тираж 50 000.

Ф-ка юношеской книги изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46.

Цена 25 коп.

